

Нет автора

Народоволец

**Социально-политическое
обозрение. № 1-4. 1897-1903 гг.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н57

Н57 **Нет автора**
Народовец: Социально-политическое обозрение. № 1-4. 1897-1903 гг. / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 162 с.

ISBN 978-5-458-40873-8

ISBN 978-5-458-40873-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

революціи, Народная Воля не сумѣла, — или, вѣрнѣе, не успѣла, — найти для нея вполне определенное мѣсто въ томъ нѣсколько туманномъ представленіи о социальной революціи, которое было завѣщено ей предшествующею фазою нашего движенія. Это — въ сущности понятное и просветительное — упущеніе оказалось чревато многими печальными послѣдствіями. Оно давало поводъ и какъ бы видимое основаніе для враждебной критики; оно вызвало разныя временныя отклоненія отъ намѣченнаго, но не установленнаго окончательно, пути; оно, наконецъ, повело къ смятенію и разладу въ рядахъ самой партіи въ тотъ критическій моментъ, когда отъ единодушія и правильно понятаго отношенія къ своимъ задачамъ зависѣло для партіи ея полное торжество или пораженіе. При нормальномъ теченіи событій, при условіяхъ активной и живой борьбы этотъ пробѣлъ въ программѣ не имѣлъ — и не могъ имѣть — большаго значенія и современемъ былъ бы, конечно, заполненъ, если бы несчастное стеченіе обстоятельствъ не остановило такъ внезапно героическую борьбу Народной Воли и не нанесло ей — а съ нею и всему русскому революціонному дѣлу — фатальнаго удара. Наконецъ, если ужъ чувство исторической справедливости, возмущенное пораженьемъ, требуетъ въ данномъ случаѣ наличности суда и приговора, то на скамьѣ подсудимыхъ найдетъ себѣ мѣсто не сама Народная Воля, а тотъ или иной персоналъ народовольцевъ, не сумѣвшихъ оформить и договорить до конца того, что было намѣчено такъ ясно.

Народная Воля не только внесла въ наше движеніе идею политической борьбы, но и нашла соответствующую форму практической дѣятельности, въ изумительной степени отвѣчавшую, какъ всѣмъ ея задачамъ такъ и условіямъ русской дѣйствительности, именно — политическій терроръ.

Непосредственные предшественники Народной Воли, видѣли въ немъ лишь дѣло самозащиты и мести. Только Народная Воля поняла, какимъ могучимъ оружіемъ можетъ онъ стать въ умѣлыхъ рукахъ. Лишь она отшлифовала его въ «систему борьбы», которая должна была стать во главу угла партійной программы и которая болѣе, чѣмъ что бы то ни было другое, было характерно для Народной Воли и составляло ея силу.

Въ самомъ дѣлѣ, только при намѣренной, думается намъ, слѣпотѣ можно не видѣть, что терроръ въ Народной Волѣ былъ не случайностію, не однимъ изъ пунктовъ ея программы, а ея душою, центральной идеей. Онъ былъ не только могучимъ средствомъ непосредственной борьбы съ правительствомъ — съ цѣлью его устрашения и понужденія его къ конституціоннымъ уступкамъ, — но, одновременно съ этимъ, и замѣчательнымъ агитаціоннымъ методомъ въ видахъ подготовленія почвы для революціи. Та и другая сторона сливались въ немъ нераздѣльно, взаимно пополняя другъ друга. Съ одной стороны, политическій терроръ будилъ массу, вызывалъ въ ней подавленные вѣками рабства, чувства недовольства и протеста; удесятерилъ силу и продуктивность социалистической и, вообще революціонной пропаганды, вовлекалъ все новые и новые элементы въ кипящую вокругъ борьбу и, такимъ образомъ, революціонизируя страну, готовилъ ее къ тому неизбежному въ концѣ концовъ взрыву, который и былъ, въ послѣднемъ счетѣ, цѣлью революціонной борьбы. Съ другой стороны, устрашая и дезорганизуя правительство, ставя передъ нимъ все болѣе и болѣе вѣроятную возможность грознаго революціоннаго взрыва, онъ тѣмъ самымъ неизбежно заставлялъ его склоняться къ компромиссамъ и уступкамъ въ смыслѣ политической свободы. Успѣхъ его въ одномъ изъ этихъ направленій являлся въ тоже время успѣхомъ и въ другомъ. Въ этомъ единствѣ эффектовъ лежала его громадная сила.

Подумайте, какая иная широкая агитаціонная дѣятельность возможна въ странѣ, въ которой нѣтъ въ наличности самыхъ элементарныхъ условий свободной политической дѣятельности, гдѣ всякая критика, направленная противъ правительства, считается преступленіемъ? Очевидно, никакой! При такихъ условіяхъ обычныя формы агитаціи и пропаганды, — даже при самой ловкой и самоотверженной дѣятельности революціонеровъ, — всегда останутся болѣе или менѣе бесплодной конспиративной и кружковой возней. Сколько нибудь широкій, массовой характеръ онѣ принять не могутъ. Но какъ измѣняется дѣло, если агитація и пропаганда ведутся сопровождаемыя терроромъ на почвѣ имъ подготовленной. Обращаясь къ умамъ уже пробужденнымъ, революціонная пропаганда

впервые становится действительной силой, впервые получает возможность проникнуть во всё слои населенія и находить тамъ для себя благоприятную почву. «Соціально-демократическая» среди рабочихъ, «землеволическая» — среди крестьянъ, прогрессивно-демократическая — среди культурнаго общества, якобинско-заговорщицкая — среди военныхъ, — словомъ всѣ формы пропаганды и агитации, недостаточно сильныя каждая въ отдѣльности, при политическомъ террорѣ приобрѣтаютъ смыслъ и становятся истинно-революционнымъ, серьезнымъ дѣломъ. И чѣмъ напряженнѣе ведется террористическая борьба, чѣмъ выше лица и учрежденія, противъ которыхъ она направляется и чѣмъ могущественнѣе разливается по странѣ ея агитационная волна, — тѣмъ глубже проникаетъ въ населеніе революціонная пропаганда, тѣмъ энергичнѣе и быстрѣе пробуждается въ немъ духъ активнаго протеста, тѣмъ успешнѣе революціонизируется страна.

Въ тоже время громадное практическое значеніе приобрѣтаютъ и тѣ дезорганизующія и устрашающія свойства террора, которыя заставляютъ правительство дѣлать болѣе или менѣе широкія политическія уступки.

Послѣ паденія Народной Воли значеніе этой стороны террора принято умалывать также рѣшительно, какъ раньше рѣшительно его преувеличивали. Намъ думается, что такое желаніе есть плодъ недоразумѣнія, происходящаго отъ наивнаго смѣшенія правительства съ полиціей. Видя, что государственная полиція въ борьбѣ съ Народной Волей только окрѣпла, скептики безъ дальнѣйшихъ разговоровъ порѣшили, что окрѣпло правительство, что терроръ «деорганизовалъ не его, а самую революціонную партію». Едва ли нужно опровергать это странное *qui pro quo*. Едва ли нужно доказывать, что нелѣпо и смѣшно говорить о силѣ и крѣпости правительства въ странѣ, вся государственная жизнь которой сводилась къ борьбѣ съ крамолой, въ которой ради этой борьбы игнорировались и приносились въ жертву самыя насущныя нужды народа. Какъ хотите, это — не признакъ крѣпости правительства, если даже вся его тайная полиція состояла бы изъ геніевъ шпіонскаго ремесла и всѣ его жандармскіе офицеры были на подборъ Судейкинскими. Конечно, это — признаки его слабости. . .

Да и какъ могло бы быть иначе? Можно ли, въ са-

момъ дѣлѣ, серьезно спорить противъ того что, при правильной широкой и систематической постановкѣ террора правительственныя уступки — *à la longue* — неизбѣжны? Спорить тутъ можно не о принципѣ, а лишь о силѣ и продолжительности террористическаго давленія, необходимыхъ въ каждомъ данномъ случаѣ для полученія обязательнаго психологическаго результата. Положеніе осужденной и по пятамъ преслѣдуемой жертвы — невыносимо для всякаго. Конечно, пока у него не убита еще вѣра въ спасительность висѣлицъ и «военныхъ положеній», онъ будетъ прибѣгать къ нимъ. Но по мѣрѣ того, какъ безцѣльность такой тактики становится очевиднѣе, и борьба, питаемая ненавистью и мстью, лишь обостряется, политика репрессалій должна неизбѣжно смѣниться политикой уступокъ. Въ пользу ея говорить и угроза революціоннаго взрыва, который затягивающаяся борьба дѣлаетъ все болѣе и болѣе вѣроятнымъ, и насущныя государственныя нужды, забрасывать которыя нельзя безнаказанно и, наконецъ, интересы личной безопасности и личнаго спокойствія. Все, однимъ словомъ, за исключеніемъ ложнаго самолюбія и упрямства требуетъ — чѣмъ далѣе, тѣмъ настоятельнѣе — уступокъ которыя могли бы остановить надвигающійся девятый валъ революціи.

Александръ II, какъ извѣстно, не выдержалъ и нѣсколькихъ лѣтъ напряженія борьбы и уже сдавался на капитуляцію. Пожалуй, скажутъ, что Александръ II былъ человѣкъ слабохарактерный, но это — частность, не измѣняющая сущности дѣла. Александръ III продержался бы, можетъ быть, годомъ или двумя дольше, — вотъ и все. Въ концѣ концовъ и онъ — также какъ и всякій другой на его мѣстѣ — былъ бы вынужденъ пойти на встрѣчу революціи и началъ бы «реформы сверху» во избѣжаніе «революціи снизу». . .

Народная Воля это понимала и на это рассчитывала. И, пока перспектива вѣроятныхъ правительственныхъ уступокъ не заслоняла отъ нея основной агитаціонной стороны ея террористической дѣятельности и ея широкая программа продолжала заключать въ себѣ всѣ «революціонныя возможности» и не обращалась въ догматическій рецетъ добыванія конституціи въ такой-то именно срокъ и такимъ-то именно путемъ, эти расчеты были вполне законны и умѣстны. Они указывали не на «двойствен-

ность» программы Народной Воли, а на ея замѣчательную приспособленность къ реальнымъ условіямъ борьбы въ Россіи; не на «колебанія» представителей партіи, а на ихъ рѣдкое практическое чутье. Введя въ свою программу идею политической борьбы и сдѣлавъ политическій терроръ главнымъ средствомъ своей практической дѣятельности, Народная Воля ни на іоту не отступила отъ своихъ социалистическихъ традицій, ничуть не отказалась отъ своего социалистическаго знамени, не сдѣлала никакихъ «уступокъ» и не пошла ни на какой принципиальный компромиссъ ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ. Она только поняла, что замыкаться въ однихъ лишь надеждахъ на «соціальную революцію» невозможно, что въ такой исключительности и односторонности лежитъ величайшая опасность для практической революціонной партіи, что ради такихъ надеждъ было бы крайне ошибочно пренебрегать частными и ближайшими завоеваніями. Всею своей силой, всею своимъ успѣхомъ Народная Воля была обязана именно этой широтѣ и всесторонности своихъ революціонныхъ взглядовъ. Только благодаря ей она могла, безъ малѣйшаго нарушенія логической послѣдовательности своихъ принциповъ и своихъ дѣйствій, работать одновременно и надъ подготовленіемъ почвы для соціальной революціи и надъ непосредственнымъ политическимъ освобожденіемъ Россіи.

Оставаясь социалистами-революціонерами, народовольцы не замыкались ни въ какомъ социалистическомъ доктринерствѣ, какъ они не замыкались и въ доктринерствѣ либерально-конституціонномъ, при всею своимъ признаніи значенія политической свободы и необходимости борьбы за нее. И конституція, какъ уступка, вырванная у правительства, и революція, какъ результатъ народнаго пробужденія, не находящаго себѣ иного выхода передъ реакціоннымъ упорствомъ власти, — были для Народной Воли обѣ желательны и обѣ вѣроятны. Ея программа съ замѣчательной гибкостью отвѣчала всею «возможностямъ» борьбы: и общенародное возстаніе, и городская революція, и дворцовый переворотъ, и какая нибудь форма «земскаго движенія», и октроированная — во избѣжаніе худшихъ бѣдъ — конституція, — все эти возможные исходы она предусматрѣла, не предвѣшая исключительно ни одного изъ нихъ, не ставя ни одному изъ нихъ своего док-

тринерскаго veto. Реѣ они въ той или иной степени рѣшили вопросъ непосредственнаго освобожденія Россіи и конечнаго разрѣшенія социально-революціонныхъ задачъ. За все эти «возможности» Н. Воля готова была бороться, не втискивая борьбу ни въ какое Прокрустово ложе той или иной революціонной доктрины, не отказываясь ни отъ чьей помощи, возлагая свои надежды на всехъ недовольныхъ, къ какому бы общественному классу они ни принадлежали.

Такова была въ общихъ чертахъ программа Народной Воли и подъ этимъ знаменемъ Народная Воля смогла стать въ 1879—1881 г.г. такой революціонной силой, какой не была ни одна другая партія въ Россіи ни ранѣе, ни позже.

1881-мъ годомъ кончается героическая борьба основателей Народной Воли, но и послѣ этого времени постоянно продолжали появляться организаціи, которыя держались программы Народной Воли съ болѣе или менѣе несущественными измѣненіями, хотя имъ никогда не удалось сосредоточить около себя достаточно силъ, чтобы начать борьбу подобную той, какую вели ихъ предшественники. Тѣмъ не менѣе, едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что и въ этотъ періодъ упадка Народной Воли ряды революціонныхъ организацій, стоявшихъ подъ ея знаменами, заключали въ себѣ наиболѣе активныхъ борцовъ съ правительствомъ, видѣлихъ въ нихъ, съ своей стороны, наиболѣе опасныхъ противниковъ. Другія, не народовольческія фракціи, не смотря на все свои копытки, ни разу не смогли явиться силой опасной для правительства. Все попрежнему за иной практической ненародовольческой программой не привели ни къ какому утѣшительному результату и русское революціонное движеніе пошло въ безвыходный узкій переулокъ и теперь едва показываетъ признаки жизни.

Только возвращеніе къ бывшей героической борьбѣ Народной Воли можетъ измѣнить дѣло. Это все болѣе и болѣе начинаютъ понимать, какъ за границей, такъ и въ Россіи, — и мы надѣемся, что находимся наканунѣ возрожденія Народной Воли.

Исполнить истинныя задачи Народной Воли, записать въ ея программу вѣщанья противниковъ, — такова главная вѣдь нашего органа.

Знамя, подъ которымъ мы выступаемъ, не волею зна-

ми, — и призывъ, съ которымъ мы обращаемся къ русскимъ революціонерамъ, тотъ же призывъ, на который въ 1879—1881 г.г. такъ горячо и единодушно отозвалась вся революціонная Россія, когда послѣ Данковскаго съезда выступилъ на сцену Ценопит. Комитетъ Народной Воли.

По своимъ конечнымъ задачамъ мы — социаллисты, и въ этомъ отношеніи мы прямо примыкаемъ къ тѣмъ традиціямъ, которыя выработаны рядомъ поколѣній русскихъ революціонеровъ, начиная съ Чернышевскаго и кончая Желябовымъ и Германомъ Лопатиннымъ, традиціямъ, которымъ русскіе революціонеры оставались всегда вѣрны, ни на минутку не сомнѣваясь въ ихъ правотѣ, традиціямъ, которыя выработаны социалистическими партиями всѣхъ другихъ странъ.

Нашей ближайшей задачей является — уничтоженіе самодержавія, передача всѣхъ общегосударственныхъ дѣлъ изъ рукъ современной бюрократіи въ руки правильно выбранныхъ народныхъ представителей, федеративное устройство государства, широкое областное и мѣстное самоуправленіе, обезпеченіе за всѣми личнымъ правъ: права слова, печати, свободы личности, національности и т. д.

Въ области экономической мы будемъ защищать и поддерживать все, что будетъ приближать насъ къ осуществленію конечнаго социалистическаго идеала.

Для достиженія этихъ цѣлей мы признаемъ все средства, которыя будутъ дѣйствительны для борьбы съ современнымъ русскимъ правительствомъ — отъ самыхъ мирныхъ культурныхъ до рѣзко революціонныхъ, смотря по условіямъ мѣста и времени. Скажемъ словами покойнаго Стенника: «мы -- революціонеры не только до прямого народнаго возстанія, но до военныхъ заговоровъ, до ночныхъ вторженій во дворецъ, до бомбъ и динамита».

Мы будемъ опираться на все слою націи, которые смогутъ принять участіе въ атакахъ на правительство, — начиная съ народа и городскихъ рабочихъ до либеральныхъ слоевъ общества. Мы поддержимъ всякаго рода протесты и борьбу: отъ мѣстныхъ крестьянскихъ движеній и стачекъ рабочихъ до разнаго рода смѣлыхъ атакъ на правительство и его защитниковъ.

Мы будемъ звать все революціонныя и оппозиціонныя партіи къ союзнической борьбѣ съ общимъ нашимъ врагомъ — самодержавіемъ. Чѣмъ меньше будетъ между-

фракціонной борьбы, и наоборотъ, чѣмъ энергичнѣе мы будемъ работать сами и помогать другъ другу, тѣмъ скорѣе мы добьемся своихъ цѣлей.

Нашимъ боевымъ девизомъ будетъ—возстановленіе партіи Народной Воли. Съ этимъ призывомъ мы и обращаемся къ дѣйствующимъ въ Россіи революціонерамъ и будемъ горячо убѣждать ихъ возможно рѣшительнѣе, возможно скорѣе вступить на путь, которымъ шли Желябовы, Перовскіе, Халтурины и ихъ друзья, и прислушаться къ тѣмъ завѣтамъ, которые они оставили намъ.

Въ ихъ завѣтахъ — наша программа.

РЕДАКЦІЯ.

КЪ ВОПРОСУ — ЧТО ДѢЛАТЬ?

Александръ III благополучно процарствовалъ цѣлыхъ 14 лѣтъ и вотъ уже 3-й годъ не менѣе благополучно царствуетъ Николай II, — и это въ то время, когда реакція должна была, повидимому, вызвать сильнѣйшій себѣ отпоръ со стороны революціонеровъ и свести ихъ боевую программу къ одному пункту: царубійству, а если оказался бы нужнымъ, то къ цѣлому ряду царубійствъ и къ систематическому политическому террору.

Реакція начиная съ 1881 года была все время такова, что добиться сколько-нибудь серьезныхъ уступокъ, какой-нибудь лорисъ-меліковщины, возможно было едва-ли не исключительно только тѣми средствами, которыми Исполнительный Комитетъ поколебалъ реакцію въ концѣ 70-хъ годовъ, а между тѣмъ, чѣмъ занимались въ эти мертвые годы и русскіе революціонеры и русское общество? они заводили народныя школы, вели пропаганду, издавали книги и газеты, и менѣе всего заботились о тѣхъ средствахъ борьбы, посредствомъ которыхъ вѣрнѣе всего было бы накинута горячешшюя рубашку на русскій деспотизмъ и такимъ образомъ расчистить дорогу для тѣхъ же школъ и для той же пропаганды. Намъ приходится отмѣтить одно еще болѣе печальное обстоятельство. Когда появлялись брѣжки, бравшіе на себя инициативу политическаго тер-

рора они встрѣчали не только холодность и общее безучастіе, но не было полѣна, какого бы только не бросали имъ подъ ноги. Въ то время, какъ правительство послѣ 1881 г. изъ силъ выбивалось въ борьбѣ съ террористами, готово было мирволить пропагандѣ, лишь бы отвлечь революціонеровъ отъ террора.—люди разныхъ партій, только и мечтавшіе что объ уничтоженіи самодержавія, съ какимъ-то удивительнымъ единодушіемъ старались на право и на лѣво кричать объ яко-бы доказанной безрезультатности политическаго террора, вредности его для другихъ отраслей революціонной и общественной дѣятельности и т. д., и въ этомъ случаѣ, надо признаться, всѣ эти противники террора работали подъ тактъ, который выбидали Судейкины въ Департаментъ Полиціи. Ослабленіе доходило до страшныхъ предѣловъ. Люди, которые съ энтузіазмомъ готовы были апплодировать террористической борьбѣ и ждали отъ нея выхода изъ современнаго положенія вещей, люди, на которыхъ террористы имѣли право смотрѣть, какъ на своихъ ближайшихъ единомышленниковъ, создавали для возстановленія этого движенія серьезныя препятствія: обсужденіе въ литературѣ вопроса о политическомъ террорѣ, по ихъ мнѣнію, было не дозволительнымъ, приравнивалось къ «науськиванію», нравственно дозволительнымъ было лишь одно личное участіе въ террорѣ, на разные лады повторялась нелѣпѣйшая мысль, что о террорѣ не говорить, а терроръ дѣлать и т. д. Все это сопровождалось ложными ссылками на прошлое, разсужденіями, не выдерживающими критики, и къ слову сказать, трогательно совпадало съ тѣмъ, что о террористической дѣятельности всегда говорили Катковы, Щербани и К°.

Едва-ли можно сомнѣваться, что политическій терроръ, какъ рефлексъ, какъ результатъ одиночной борьбы, теперь едва-ли возможенъ, и во всякомъ случаѣ его значеніе не можетъ не быть ничтожнымъ. Терроръ возможенъ въ настоящее время въ размѣрахъ, которые далеко оставляютъ по себѣ все, что видѣли 1879—81 годы, но только въ томъ случаѣ, если онъ будетъ дѣломъ сильной, спеціальной организациі, и будетъ опираться на ясное признаніе со стороны не однихъ террористическихъ кружковъ, а значительныхъ слоевъ общества, — а для этого нужно бросить заниматься терроромъ «между прочимъ», надо его пропагандировать и дѣлать популярнымъ, различать для

него почбу также, какъ это мы дѣлаемъ, когда считаемъ нужнымъ организовать народныя школы, устроить стачку, основать газету.

Тѣ, кто признають терроръ, но отрицають систематическую работу для его организации, рубятъ суку, на которомъ сидятъ; они также, какъ и явные антитеррористы, вродѣ толстовцевъ и социаль-демократовъ, систематически парализуютъ возникновеніе активной партіи борьбы съ русскимъ правительствомъ. Оглядываясь на прошлое, они могутъ не безъ удовольствія видѣть, сколько удачныхъ ударовъ ими нанесено террористическому движению, сколько здоровыхъ входовъ затоптано, сколько хорошихъ начинаній сведено на пѣть. Но пусть они въ то же время расщипутся и подъ другимъ результатомъ своей дѣятельности: русское самодержавіе и до сихъ поръ существуетъ во всемъ своемъ безобразіи, и борьба съ нимъ все также настоятельна, какъ была и въ 1881 году.

Но какъ ни сильно было систематическое противодействие народолюбческому движению со стороны разныхъ партій, и послѣ 1881 г. нельзя указать ни одного года, когда бы не возникали въ Россіи то тамъ, то здѣсь террористическія организаціи, заключавшія въ своей средѣ людей, доказавшихъ потомъ годами тюрьмы и каторги и своей смертью беззапятную преданность революціонному дѣлу, и теперь, вѣноминная чудныя личности Стенуриныхъ, Ульяновыхъ, Коганъ-Бернштейновъ, Оржиховъ и многихъ, многихъ другихъ, стоявшихъ послѣ 1881 года подъ знаменемъ Народной Воли, невольно хочется спросить всѣхъ толстовцевъ и социаль-демократовъ: «что вы достигли? — Цѣной дискредитированія могущественнаго движенія и парализованія дѣятельности его членовъ вы достигли кой-какихъ второстепенныхъ завоеваній, которые были бы сдѣланы еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ. — подъ знаменемъ Народной Воли или, возникнувъ какъ параллельное, но не враждебное ей теченіе. Въмѣсто содѣйствія террористы встрѣчали сомнѣнія, колебанія, отрицаніе ихъ способствъ дѣйствію. Нашему сонному обществу, какъ нельзя болѣе было пріятно уединять эту горячую анти-террористическую пропаганду. Всѣ трусы, эгоисты, россійскіе гамлеты увидѣли въ ней оправданіе своего безучастія. — и Стенурины и Оржихи оставались безъ всякой возможности начать свою борьбу и погибли не оказывая